НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Федор Воробьев

НА СЛУЖБЕ В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОГО ИСТОРИКА

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Федор Воробьев

На службе в Генеральном штабе. Воспоминания военного историка. 1941—1945 гг.

«Центрполиграф»

2024

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Воробьев Ф. Д.

На службе в Генеральном штабе. Воспоминания военного историка. 1941—1945 гг. / Ф. Д. Воробьев — «Центрполиграф», 2024 — (На линии фронта. Правда о войне)

ISBN 978-5-227-09937-2

Федор Данилович Воробьев (1904–1992) – полковник, с 1939 г. – офицер Военно-исторического отдела Генерального штаба Красной армии, один из первых исследователей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В силу должностных обязанностей стал свидетелем многих ключевых событий Великой Отечественной войны. В должности офицера Генерального штаба он работал на Волховском фронте в 1941 – начале 1942 гг., а затем уже как военный историк непосредственно в войсках изучал события Сталинградской битвы, сражения на Курской дуге, освобождения Украины, Берлинского сражения и других. Собранный оперативный материал, данные разведки, трофейные документы немедленно анализировались, обобщались и публиковались в виде военно-стратегических очерков, целевой аудиторией которых был высший и старший командный состав Красной армии. Ф.Д. Воробьев является автором ряда очерков, приведенных в этой книге, а также соавтором фундаментальных трудов: «Оборона Севастополя» (М., 1943), «Битва под Сталинградом» (М., 1944), «Десять сокрушительных ударов» (М.,1945), «Битва под Курском» в двух книгах (М., 1946–1947), «Берлинская операция 1945 года» (М.,1950) и др. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-09937-2

© Воробьев Ф. Д., 2024
© Центрполиграф, 2024

Содержание

От издательства 7
Глава 1. Воспоминания военного историка 8
1920–1930-е годы 8
Начало войны. Офицер Генерального штаба Красной армии 15
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Федор Данилович Воробьев
На службе в Генеральном штабе. Воспоминания военного историка. 1941–1945 гг.

© Воробьев Ф.Д., 2024
© «Центрполиграф», 2024
© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2024

От издательства

Федор Данилович Воробьев (1904–1992) – полковник, известный ученый, один из первых исследователей истории Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, в годы войны – офицер Военно-исторического отдела Генерального штаба Красной армии.

В этой книге автор на основе подлинных событий, участником которых являлся, повествует о зарождении научного изучения истории Великой Отечественной войны в боевой обстановке в действующей армии – об историках Военно-исторического отдела Генерального штаба Красной армии, которые уже в годы войны и сразу же по ее окончании по горячим следам создали целый ряд фундаментальных трудов: «Оборона Севастополя» (М., 1943), «Битва под Сталинградом» (М., 1944), «Десять сокрушительных ударов» (М., 1945), «Битва под Курском» в двух книгах (М., 1946–1947), «Берлинская операция 1945 года» (М., 1950) и др.

Уникальность этой работы состоит в том, что она дает представление о методологии создания в годы войны научных работ на основе оперативных данных, сведений разведки, бесед с командующими фронтами и армиями.

Составленные автором схемы и карты битв на стратегических направлениях действий Красной армии, итоговая карта «Победа Вооруженных Сил Советского Союза 1941–1945 годов», используются и в наше время.

Федор Данилович Воробьев является автором и соавтором таких фундаментальных трудов, как «Победа Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (М., 1953), «Великая победа на Волге» под редакцией Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского (М., 1965), «Последний штурм (Берлинская операция 1945 года)» (М., 1970) и других.

Заслуги автора были высоко оценены государством, о чем свидетельствуют боевые награды – орден Ленина, два ордена Боевого Красного Знамени, орден Красной Звезды, ордена Отечественной войны I и II степеней, медали «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», а также медалями и знаками послевоенного периода.

Глава 1. Воспоминания военного историка

1920–1930-е годы

Ко мне очень часто обращаются друзья, товарищи, знакомые, родные, дети и внуки, просят рассказать о своей жизни, о том пути, который мне пришлось пройти. Если бы не эти просьбы, вряд ли бы я взялся за перо, хотя о том, что и как произошло в моей жизни, я мог только мечтать, будучи еще мальчиком.

В начале повествования следует сказать несколько слов о моих родных. Отец мой – Даниил Яковлевич Воробьев, по профессии столяр, рабочий, строитель, мать – Анастасия Максимовна (в девичестве Сторожева) – домашняя хозяйка. Родители имели 10 детей (Митрофан, Евдокия, Наталья, Григорий, Федор, Прасковья, Виктор, Ольга, Борис, Николай). Интересно отметить, что наша фамилия Воробьевы считалась ранее и по сей день продолжает считаться родовой, происходящей, скорее всего, от казацкого прозвища Воробей. По улице у многих были и вторые прозвища. Мы, например, назывались Микиташкиными. Моя жена Варвара Николаевна (в девичестве Шевцова) «по улице» имела прозвище Бадеевская.

Жили мои родные в слободе Новая Сотня Острогожского уезда Воронежской губернии, в собственном одноэтажном доме по улице Торговище (ныне Революционная, дом 1). Отец был не в состоянии обеспечить прожиточный минимум такой большой семьи. Мать, хотя и неграмотный человек, от природы была практичной и деятельной женщиной. Жизненные условия семьи научили ее быть предприимчивой в ведении домашнего быта. Она умудрялась, например, в скромных домашних условиях выпекать вкуснейшие хлебобулочные изделия, что существенно помогало поддерживать достаток семьи. К сожалению, ее жизненный путь был коротким. В августе 1918 года она внезапно скончалась. Тяжела была для нас потеря матери. Особенно болезненно она была воспринята мною, четырнадцатилетним подростком. В трудные годы Гражданской войны 1918–1921 годов я в любую погоду приходил на городское кладбище, где была похоронена мать. В моем детском сознании не укладывался свершившийся факт, и воспоминания об уходе из жизни матери тревожили долгие годы, потому что никак не верилось, что я навсегда лишился любимого человека. Так продолжалось три года, и только уход добровольцем в Красную армию как-то сгладил мои переживания.

До поступления в армию я отучился в церковно-приходской школе и после ее окончания продолжил учебу в учительской школе. Закончив два класса этой школы, я, таким образом, получил неполное среднее образование и в четырнадцатилетнем возрасте должен был уже работать, чтобы как-то оказать помощь родным. С 1918 по 1921 год я работал в волостном сельсовете Новая Сотня и в Острогожском коммунотделе в качестве контролера. В 17 лет, в августе 1921 года, я добровольцем пошел на службу в Красную армию – курсантом 22-й Воронежской пехотной школы командного состава.

Простившись с родными местами, я вместе со своими друзьями – Харлампием Калинниковым, Митрофаном Ермоленко, Вениамином Шмыглевым – отправился в город Воронеж. С этого времени началась моя непрерывная служба на различных должностях в рядах Красной армии. В памяти особенно четко запечатлелся декабрь 1922 года. Хочется воспроизвести некоторые детали, оставившие в памяти глубокий след. Это связано с жестоким голодом. Бродячие одиночки, оборванные, истощенные, слоняющиеся по улицам, просящие подаяние на станциях железной дороги: «Дайте хоть кроху хлеба». Жутко было видеть оборванных, голодных подростков, бродивших группами по улицам. Обитали они в грязных подвальных помещениях. Это были дети тех родителей, которые погибли на фронтах Гражданской войны или умерли голодной смертью. Особенно страшно, что во время голодовки находились такие роди-

тели, которые поедали своих маленьких детей. На рынке торговки продавали студень, приготовленный из человеческого мяса тех, кого настигла голодная смерть.

Без воды человек умирает достаточно быстро, но если есть вода и хотя бы мизерное количество еды, то, опухший, обезображенный язвами, он может мучительно, но жить. В нашей армейской действительности до этого не доходило. Мы уже были полны радужными предчувствиями, ведь шла к своему завершению Гражданская война, велась борьба с различного рода бандами. Страна медленно, но уверенно набирала силы для борьбы с еще продолжающимся голодом, разрухой в промышленности, на транспорте и в сельском хозяйстве.

В конце 1922 года мне минуло 18 лет, я учился на втором курсе 22-й пехотной школы комсостава. Моя военная форма одежды: черная рубашка со стоячим воротником, на левом рукаве ниже локтя три красные полоски, каждая шириной в 1 сантиметр, а над этими полосками – красная звездочка. Полоски на рукаве рубашки означали, что 22-я пехотная школа трижды участвовала в боях Гражданской войны. Брюки были летние, защитного цвета. Обувь – лыковые лапти, обмотки. Солдатская шинель. В зимних условиях, да еще в неотапливаемых помещениях, мы были не в силах сдерживать дрожь и в таком состоянии находились почти все время.

Мы готовились стать командирами Красной армии. Школа наша располагалась в центре Воронежа, в бывшем епархиальном училище. Учеба шла напряженно. В здании училища мы изучали материальную часть стрелкового оружия, получали знания по общеобразовательным предметам, а практические занятия проходили во дворе школы и в поле. На этих занятиях отрабатывалась строевая и тактическая подготовка. Декабрь 1922 года не оставил в моей памяти никакой разницы между дневной и ночной температурой воздуха. Помню, стояли крепкие морозы, почти ежедневно выпадал снег, поднимались метели.

Холодно нам было везде: и в помещениях школы, и за ее пределами. Особенно чувствовался холод во время строевых занятий во дворе, когда мы выходили в поля, отправлялись в лес, чтобы заготовить дрова для школы и подшефных детских садов. Только интенсивно двигаясь, как-то спасались мы от холода. Следует еще раз подчеркнуть, что наша одежда была не по сезону: легкая летняя гимнастерка, легкое нательное белье (теплого не было), легкие летние шаровары, на ногах лыковые лапти. Вместо чулок ноги обертывались легкой тканевой портянкой. Шинель неутепленная, рукавиц или перчаток не было вовсе. Несмотря на жуткие холода, нас вдохновляло, прежде всего, осознание получения военных знаний, чтобы по окончании обучения мы могли прибыть в войска квалифицированными командирами взводов.

Что собой представляло помещение для жилья (казарма)? Там, где размещался наш взвод, стояли железные кровати, расположенные в два ряда. На кровати тюфяк, лично курсантом набитый соломой, и подушка, также набитая соломой. Тонкое байковое одеяло. Вот и все. Стекол в окнах не было; они были заменены фанерными листами, вследствие чего в помещении гулял холодный ветерок, силу которого мы определяли по коптилкам, расположенным по углам помещения. Пол цементный.

Интересное зрелище представляла казарма ночью: тридцать кроватей, на которых под байковым одеялом лежат курсанты, свернувшись в «комочки». Эти «комочки» крепко сжимались для того, чтобы как-то, собственным дыханием, согреться. Вытянувшись никто не спал, потому что так можно было и окоченеть. Зрелище спального помещения курсантов дополнялось позвякиванием мерзлых лаптей, висящих на спинках каждой кровати, которые, по замыслу спящего, в течение ночи должны были быть подсушены сквозняком.

Декабрь 1922 года – это еще продолжающаяся голодовка в стране, которая, разумеется, хорошо давала знать о себе и в армейской действительности. Питание и у нас в школе было скудным. Норма очень жесткая. Три четверти фунта хлеба – 300 граммов. Из этой нормы хлеба четверть фунта (100 граммов) мы отчисляли голодающим детям. Горячая «пища» – один раз в день, на обед. Этот так называемый суп, в котором еле улавливались крупинки пшена, заправ-

лялся кусочками воблы, чтобы придать жидкости хоть какой-то вкус. Был и чай из сушеной моркови или мяты. К нему на день выдавались по три очень маленьких кусочка сахара. Чтобы как-то восполнить рацион питания, нам – курсантам – часто приходилось кооперироваться по три человека и с девятью кусочками сахара отправляться на рынок, чтобы обменять их на пшено, из которого в котелке во дворе школы варили кашу, а затем аккуратно делили ее на три части. Надо было видеть, с каким нетерпением мы ожидали, когда каша приготовится. Некоторые не выдерживали, кричали: «Она уже готова, давай делить». Свою порцию каши каждый быстро съедал на месте, тут же и настроение поднималось.

Иногда, что бывало редко, во время дежурства мне кое-что перепадало из хлебных частиц. В порядке очереди три человека отправлялись за получением хлеба на весь взвод, в котором было 30 человек. Следовательно, через десять дней наступал и мой черед. И вот мы – трое дежурных – несем на взвод курсантов три буханки хлеба, то есть каждый по одной. И, неся буханку хлеба, нащупываешь ее края, чтобы найти какую-то крошечку. Это – первое счастье. А затем каждый из нас троих разрезает свою буханку (а они были такие маленькие) на десять равных частей. В результате этой операции образуются крошки хлеба, и вот эти крошки законно достаются дежурному. Это – второе счастье. Разрезанные кусочки хлеба кладутся в ряд. Один человек стоит спиной к раздатчику, а другой пальцем указывает на кусочек хлеба в ряду и спрашивает: «Кому?», тот отвечает: «Воробьеву», «Петрову», пока не будут розданы все десять кусочков хлеба. Полученный кусочек хлеба по весу равен полфунта, то есть 200 граммов. Редко кто терпеливо сохранял этот кусочек хлеба к так называемому обеду. Обычно, зажав кусочек хлеба в ладони (чтобы не уронить крошку), я тут же жадно съедал его.

Таким же образом раздавались и кусочки сахара (три штуки на день). При раздаче сахара дробилась большая головка (в то время фасованного сахара не было). Надо было быть искусным, ловким, чтобы колоть сахар на требуемые равные части. От этой процедуры оставалась сахарная пыль. И вот эта пыль, также на законном основании, доставалась дежурному.

Как известно, питание в жизни человека является решающим фактором. Как указывалось выше, наша жизнь в школе в описываемое время в смысле питания определялась жесткими нормами, а затраты энергии на учебу, практические занятия, несение караульной службы, выполнение заданий по заготовке дров и тому подобное сводили на нет полученные калории. Ощущение голода было постоянным.

Забота о духовной пище для нас, курсантов, также была в поле зрения руководства школы. Этим вопросом вплотную занимался комиссар школы Иван Федорович Федоров, бывший путиловский рабочий. У меня в памяти остался организованный выход всей школы в драматический театр для прослушивания дискуссии на тему «Есть ли Бог?», которая развернулась между А.В. Луначарским и митрополитом Введенским. Надо было видеть со стороны аудиторию – молоденькие юноши, жадно, с большим напряжением вслушивающиеся в содержание дискуссии. Оба оратора интересно аргументировали свои доводы, и в зале часто раздавались аплодисменты как в адрес одного, так и другого. Закончилась дискуссия. В зале стало очень шумно, стоя приветствовали блестящего мастера слова А.В. Луначарского, которого уважительным поклоном поблагодарил и Введенский.

Молодость брала свое: устраивались самодеятельные вечера, или курсанты веселились в кругу своих друзей. Я любил играть на мандолине, гитаре и балалайке. Участвовал в школьном оркестре народных инструментов. Любил и потанцевать в кругу друзей. Особенно мне удавались задорные русские танцы, о чем хорошо знали друзья по взводу, поэтому часто, когда образовывался круг под музыку нашего оркестра, раздавались голоса: «Давай, Воробьев!» К этому зову присоединялись и мои близкие друзья, с которыми я прибыл на учебу из Острогожска в Воронеж: Харлампий Калашников, Митрофан Ермоленко, Вениамин Шмыглев, Николай Песковский. Просьбу товарищей потанцевать я выполнял при условии – если кто-нибудь даст мне свои лапти. Обязательно находились желающие. И тогда я пускался в пляс. Танцевал с

таким жаром, что от лыковых лаптей в стороны летели щепы и они приходили в негодность для дальнейшей носки. Следует отметить, что лыковые лапти выдавались курсантам на 7 суток, и только после этого срока он имел право на получение новых.

Несмотря на голодное состояние, в свободное от службы время мы ходили в здание драматического театра на танцы. Здесь мы встречались со знакомыми девушками. Конечно, нам было стыдно идти в театр в лыковых лаптях и в обмотках, но что поделать, ведь хотелось пообщаться с девушками и потанцевать с ними. Девушек привлекал наш внешний вид – черная красивая рубашка, летние защитного цвета шаровары, но когда они переводили взгляд на обувку, то не могли удержаться от смеха. А потанцевать им тоже хотелось. Были, конечно, и казусные случаи. Часто, вальсируя, кавалер в широких своих лаптях наступал на ногу партнерши. Приходилось извиняться, а девушки при этом стыдливо краснели.

Ходили мы на танцы и в клуб пригорода – Придачу. Местная молодежь очень ревниво реагировала на наше присутствие, справедливо считая нас соперниками. Был однажды такой смешной случай. Один курсант пришел на Придачу на свидание. Дело было зимой 1922 года. И вот местные парни окружили его с девушкой. Девушку отстранили, а ему скомандовали с разбега нырнуть головой в придорожный сугроб. Невыполнение этой команды грозило расправой. Под громовые раскаты хохота курсант нырнул в снег, а девушка от страха закрыла лицо руками, чтобы не видеть этого издевательства. После этого случая на Придачу мы ходили только группами.

Где-то в середине декабря 1922 года я получил кратковременный отпуск для поездки к родным, в город Острогожск. Прибыл я домой с вещевым мешком, в котором находилась горстка пшена. Меня встретили радостно, но грустно мне было смотреть на окружающих. Отец, Даниил Яковлевич, первый бросился в объятия. Он еле передвигался. Лицо, ноги, руки опухшие. Братья Митрофан, Виктор, сестры Паня, Ольга – в таком же состоянии. Брат отца Захар Дмитриевич со своим маленьким сыном Сережей выглядели так же. Они ходили по дворам за подаянием. Дядя играл на скрипке, а Сережа тоненьким голосом пел. Вот так была обставлена моя встреча с родными.

Вдруг отец просит к себе Митрофана и что-то говорит ему на ухо. Тот немедленно покинул нас, что-то прихватил в коридоре и ушел. Возвратился он через некоторое время с куском конского мяса. Какая была радость у всех присутствующих! Отец немедленно заправил большой чугун этим мясом, всыпал туда горстку принесенного мною пшена. И, не дождавшись окончательной готовности, все присутствующие с жадностью уплетали это варево. Как потом выяснилось, недалеко от нашего дома пала лошадь, и вот ее разделывали кто как мог. Достался кусок дохлой конины и моему брату Митрофану.

Как человеку мало требуется. Надо было видеть лица всех после этой похлебки. Опухшие от голода, эти лица начали говорить и даже смеяться. А Захар Дмитриевич на своей скрипке заиграл «По диким степям Забайкалья». Сережа подпевал, подпевали со слезами и все присутствующие.

Два дня я пробыл с родными. С тяжелым настроением, грустный и одинокий, отправился я на станцию Острогожск с тем, чтобы вовремя прибыть в школу, в Воронеж. Никто меня из родных не провожал, никто не мог двигаться, не то что идти до станции два километра. Ничего у меня не было съестного. Голодно было. Мечтал как можно скорее оказаться в Воронеже. К счастью, потребовалось не более суток. Добирался главным образом попутными грузовыми поездами, на открытой площадке товарного вагона.

На дорогу отец мне дал бутылочку тертого, горького красного перца, сказав при этом: «Когда будешь есть первое, посыпь его перцем, это поможет в зимних условиях разогреть кровь, не так будешь мерзнуть».

С большой радостью я вступил на территорию школы, а ноги подкашивались. Ведь я почти сутки ничего не ел. Кто-то из друзей из Острогожска дал мне кусочек хлеба с тем, чтобы

узнать, что делается на родине. Я нарисовал грустную картину на примере своих родных. Долго лежал я с открытыми глазами, хотя весь взвод давно уже погрузился в сон. И вдруг мне в голову пришла идея учинить шутку. Я взял свою бутылочку с перцем, бегом, босыми ногами тихонько подбежал к каждой кровати и на подушку, под нос спящему сыпал перец. Я не представлял, чем это кончится. А результат оказался страшным. Поднялся крик, чихание. Никто не мог понять, в чем дело. На утро меня вызывает командир нашей 2-й роты Макаренко и говорит: «А ну-ка принеси мне своего перца». Перед ним стояла тарелка с горячим супом. Когда он попробовал кушанье с перцем, то громко сказал: «Да, крепок перчик. Так вот, за твой поступок ночью получи два наряда вне очереди». Вот как обернулась моя шутка.

Несколько слов о Воронеже того времени. Красивый город. Почти все здания одноэтажные, но центр – с каменными многоэтажными домами. Украшением города были памятники: Петру Первому, Никитину, Кольцову. Очень красивая река Воронеж. Главное – это чудесные люди, доброжелательные, как правило, веселые по натуре, но голод ложился на их плечи тяжелым бременем. Днем еще чувствовался пульс жизни города, а ночью все погружалось в непроглядную тьму. Жутко было в это время передвигаться по городу.

Как известно, в связи с окончанием Гражданской войны и ликвидацией различного рода банд решением правительства сокращалась численность Красной армии с 800 до 600 тысяч человек. Коснулось и нашей 22-я пехотной школы комсостава, которая подлежала расформированию. Курсанты распределялись по школам, коих расформирование не касалось. Для прохождения дальнейшей учебы я был направлен в 11-ю Нижегородскую пехотную школу комсостава на второй курс.

11-я Нижегородская школа командного состава располагалась в центре города, тоже в здании бывшего епархиального училища. Следует отметить, что температура воздуха в Нижнем Новгороде в начале 1923 года доходила до минус 35 градусов, но, как правило, безветренная. Такой мороз переносился сравнительно легко. Условия в 11-й школе резко отличались от условий 22-й школы. В помещениях для жилья было тепло, кровати с постельным бельем, электрический свет, хорошо оборудованы классы. И в плане питания 11-я школа отличалась в лучшую сторону. В этой школе запомнился мне праздничный обед 30 декабря 1922 года, в день открытия I Всесоюзного съезда Советов. Обед состоял из двух блюд. На первое был подан густой фасолевый суп, а на второе вынесли бачки, наполненные густой пшенной кашей, обильно политой льняным маслом. Бачок выглядел как огромный кусок янтаря, источавший ослепительный блеск на всю столовую.

Так началась моя служба в этой школе. В школе не было ни одного знакомого. Все надо было начинать сначала. Все окружающие разговаривали с подчеркнутой буквой «о». Это для меня было новым. Школу я успешно закончил в 1924 году.

С этого времени и до начала Великой Отечественной войны моя служба в рядах Красной армии складывалась так. Шесть лет я командовал стрелковым взводом, три года был командиром стрелковой роты, два года командовал стрелковым батальоном, один год был в должности помощника командира стрелкового полка по строевой части, три года работал в штабах: стрелкового полка, стрелкового корпуса, заочно учился в Военной академии им. М.В. Фрунзе и, окончив ее в 1939 году (3-й курс основного факультета), был назначен в Генеральный штаб Красной армии.

В силу труднообъяснимой случайности, неожиданно для себя я стал военным историком. А случилось это в то время, когда я был слушателем третьего курса Военной академии им. М.В. Фрунзе (учебный 1938/39 год).

В мае 1939 года, за месяц до окончания учебы в академии, вдруг в процессе занятий от руководителя нашей группы комкора Максима Антоновича Антонюка последовало приказание – явиться в учебную часть академии. У порога учебной части меня встретил полковник, назвавший себя Чернышовым. Он пригласил меня пройти с ним в отдельную комнату. После

некоторых вопросов, касавшихся моей учебы в академии, он вдруг спросил: «Где вы намереваетесь продолжить службу после завершения учебы в академии?» На этот вопрос я твердо ответил: «Хотелось бы продолжить службу в штабе 13-го стрелкового корпуса в городе Белая Церковь, откуда я прибыл в академию. В Белой Церкви проживает моя семья».

Полковник Чернышов задает следующий вопрос: «Не желаете ли вы после окончания академии служить в Генеральном штабе?» Я ему ответил: «Мне еще предстоит большая работа по завершению диплома и, главное, сдать государственные экзамены за третий курс основного факультета Военной академии имени Фрунзе». Чернышов заявил: «В решении этого вопроса мы не сомневаемся, поэтому он не должен вас беспокоить. Нам представляется, что в этом отношении все будет в должном порядке. Вы принимаете наше предложение?» Я ответил ему: «В рядах Красной армии я несу службу уже почти восемнадцать лет. После окончания в 1924 году 11-й Нижегородской пехотной школы командного состава моя служба проходила только в строю. Много мест за время моей службы пришлось сменить. Начал службу в 1921 году добровольцем в 22-й пехотной школе командного состава курсантом в городе Воронеже. Затем в Нижнем Новгороде, в Киеве, Одессе, Каменец-Подольске, Артемовске, вновь – Киев, Коростень, Фастов, Белая Церковь и, наконец, Москва – слушателем 3-го курса академии имени М.В. Фрунзе. Все это я вам говорю, товарищ полковник, для того, чтобы подчеркнуть, что в моем продвижении по службе и смене мест службы со мной никто и никогда не советовался и не спрашивал моего согласия. Все перемещения по службе проходили только по приказу командующего округом. Ваше предложение – желаю ли я работать в Генеральном штабе Красной армии – это первое в моей служебной деятельности предложение. И если сказать откровенно – по-моему, это мечта каждого командира Красной армии. Признаться, ваше предложение меня взволновало. Для меня это большая честь. Если последует приказ по этому поводу, я готов его выполнить». Полковник Чернышов заключил наш разговор словами: «Вам осталось учиться один месяц (май 1939 года). Приказ о вашем назначении в Генеральный штаб в свое время последует».

Примерно в течение часа происходил наш разговор, после которого я явился в группу к своему руководителю – комкору М.А. Антонюку. Комкор, улыбаясь, посмотрел на меня и спросил: «Дал свое согласие?» Я ответил «Да». «Конечно, – заключил комкор. – Ты достоин работать в Генеральном штабе». Следует здесь отметить, что у руководителя группы, комкора М.А. Антонюка, я пользовался некоторым уважением. Во время тактических занятий в группе он привлекал меня в помощники, и я с этим делом, как говорили товарищи по группе, справлялся неплохо. Антонюк использовал меня как человека, разбирающегося в оперативных вопросах. Ведь я в академию по приказу К.Е. Ворошилова прибыл в 1938 году сразу на третий курс – с должности помощника начальника штакора 13-го стрелкового корпуса Украинского военного округа, а до этого два курса Военной академии им. М.В. Фрунзе успешно закончил заочно. Вот причина, как мне представляется, по которой использовали меня в качестве помощника руководителя группы. Следует подчеркнуть, что нас в учебной группе было всего 13 человек.

Действительно, после окончания академии я получил приказ о назначении в Генеральный штаб. В указанный день, кажется, это было в начале июля 1939 года, я явился к начальнику отдела кадров Генерального штаба полковнику Чернышову Владимиру Ивановичу, который сказал, что со мной завтра будет беседовать начальник Генерального штаба Красной армии Борис Михайлович Шапошников. «Вы должны быть в 10 часов утра в его приемной, где я встречу вас, и мы пройдем в его кабинет». Я провел беспокойную ночь. Я, подполковник, и вдруг беседа с таким большим человеком!

С полковником Чернышовым мы входим в кабинет Б.М. Шапошникова. «Садитесь, пожалуйста голубчики», – это его слова. Я сел на стул осторожно, Чернышов же чувствовал себя свободно. Обращаясь ко мне, Б.М. Шапошников спросил: «Устраивает ли вас назначение в Генеральный штаб?» Я ответил: «Сумею ли я оправдать это высокое доверие, хватит

ли у меня знаний и опыта для работы в столь высоком штабе?» – «Ничего, голубчик, все дается необходимыми усилиями. Все будет зависеть от вас. Скажите, товарищ Воробьев, вы когда-нибудь что-нибудь писали?» Я тут же, не задумываясь, ответил: «Кроме писем, ничего не писал, иногда маленькие заметки в стенгазету». Мой ответ рассмешил Шапошникова, он смеялся так от души, что начал кашлять и пить воду из графина. Смеялся и Чернышов. «Так вот, голубчик, я вас назначаю в 10-й отдел Генерального штаба, который занимается военной историей. Попробуйте себя на поприще военной истории». Я отправился в 10-й отдел, который располагался в Военной академии им. М.В. Фрунзе, на 10-м этаже. Я знал о существовании этого отдела, так как мне приходилось во время учебы в академии бывать в Военно-историческом отделе, консультироваться там по вопросам военной истории.

Что же представлял собой Военно-исторический отдел, в котором я оказался накануне Великой Отечественной войны? Вместе с руководством отдел состоял всего лишь из одиннадцати научных работников. В нем было три группы: по исследованию Первой мировой войны, по исследованию Гражданской войны и по изучению и обобщению опыта локальных войн.

Вот его поименный состав:

Таленский Николай Александрович – начальник отдела;

Нефтерев Иван Федорович – заместитель начальника отдела;

Воробьев Федор Данилович;

Захаров Георгий Тимофеевич;

Кравцов Виктор Михайлович;

Кузнецов Николай Петрович;

Кононенко Александр Андреевич;

Кораблев Александр Федорович;

Сидоров Владимир Иванович;

Чикин Дмитрий Филиппович;

Ходырев.

Вот так в июле 1939 года по велению начальника Генерального штаба Бориса Михайловича Шапошникова я стал военным историком.

Начало войны. Офицер Генерального штаба Красной армии

Война застала меня с небольшим военно-историческим багажом. Мною за два года пребывания в Военно-историческом отделе Генерального штаба было опубликовано пять небольших статей в газетах общим объемом всего лишь немногим более одного печатного листа.

Дальнейшее мое развитие как военного историка проходило в ходе Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Накануне войны мне шел 37-й год. Семья моя – жена Варвара Николаевна, 35 лет, сын Юрий, 6 лет, дочери Лариса, 10 лет, Галина, 4 лет, Инесса, 1 года, теща Татьяна Никифоровна, 57 лет, и сестра жены Антонина Николаевна Шевцова, 29 лет. Таким образом, к началу войны семья состояла из восьми человек. Однако все заботы о содержании семьи лежали на мне. Жили мы в Москве по улице Гончарная набережная, дом 3, в служебной, коммунальной, квартире № 103 – в двух комнатах, площадью 44 метра, в которой проживало еще две семьи.

Война началась в воскресенье в 4 часа утра 22 июня 1941 года. Фашистские полчища двинулись на нашу Родину. По решению командования Генерального штаба Красной армии семьи военнослужащих быстро были погружены в вагоны и отправлены в глубокий тыл страны в город Бузулук Чкаловской области. Забрав самое необходимое, уехала в город Бузулук и вся моя семья. Я остался на службе, в Москве.

После длительного переезда семья моя без потерь прибыла в Бузулук и разместилась по ул. Пушкина, 114, в комнате площадью 18 квадратных метров. Комната холодная, с плохим печным отоплением. Хозяева дома относились к ней откровенно враждебно, издевательски задавая один и тот же вопрос: «Куда вы будете бежать, если к нам придут немцы?» А немцы, как известно, быстро продвигались к Ленинграду, Москве, Киеву. Трудное время было для семьи в эвакуации 1941–1943 годов. В холоде и голоде жила семья. Только мужественные действия жены позволили всей семье выдержать все испытания. Дети были спасены. Семья без потерь в 1943 году вернулась в Москву.

Хотелось бы поделиться некоторыми мыслями, относящимися к предвоенному периоду, и к тем событиям, которые повлияли, на мой взгляд, на катастрофическое положение Красной армии в начальный период войны. Известно, что в результате похода в 1939 году в Западную Белоруссию и в Западную Украину к Советскому Союзу отошла территория на глубину до 300 километров к западу. Оценивая новую обстановку, начальник Генерального штаба Красной армии Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников высказал примерно такое суждение: эти территории для наших Вооруженных сил должны стать своего рода стратегическим предпольем, где вся оборонительная система должна носить полевой характер. И в случае нападения Германии на Советский Союз наши войска, находящиеся в полевой обороне, должны вести активную, подвижную оборону, в результате которой наступающий, измотанный в боях противник будет окончательно остановлен на рубеже нашей долговременной обороны, проходящей по меридиану Минска. Следует подчеркнуть, что эти долговременные сооружения строились весьма основательно в предвоенные годы. Будучи командиром стрелкового батальона 137-го стрелкового полка 46-й стрелковой дивизии с дислокацией в городе Коростень, мне приходилось в начале 1930-х годов часто, по тревоге выступать в районы Шепетовка, Белокоровичи, Гулянка и занимать полевую оборону между долговременными сооружениями (ДОТ). Подразделения батальона – в ротах, во взводах и в отделениях – имели пристрелочные карточки. Вся впереди лежащая местность перед батальоном находилась под прицельным огнем.

Все стрелковые полки (136, 137 и 138-й) 46-й стрелковой дивизии тщательно тренировались в занятии для обороны всего участка 51-го укрепленного района, штаб которого нахо-

дился в Коростени и поддерживал тесную оперативную связь со штабом 46-й стрелковой дивизии, начальником которого был А.И. Антонов.

В случае наступления противник на этом направлении должен был быть организованно встречен подразделениями уровских сооружений и частями 46-й стрелковой дивизии, которые по тревоге выходили: из Лугины – 136-й стрелковый полк; из Коростени – 137-й стрелковый и 46-й артиллерийские полки; из Мелина – 138-й стрелковый полк.

Мы были свидетелями, когда руководство округа (командарм 1-го ранга И.Э. Якир), в порядке тренировки, организовало мощный артиллерийский налет прямой наводкой по ДОТу, в котором находилась в полном составе его прислуга. Разумеется, деревянная надстройка – домик, построенный над ДОТом, как маскировочное сооружение, огнем артиллерии был уничтожен, сгорел, обнажив ДОТ, но сам ДОТ остался невредимым. Из него, после сигнала «отбой», с гармошкой и строевой песней вышла вся прислуга ДОТа. Она восторженно была встречена руководством учения и награждена ценными подарками.

Мнение Б.М. Шапошникова не было принято во внимание. Больше того, ему было поставлено в упрек, что он недооценивает сложившуюся ситуацию. Новым начальником Генерального штаба с 1940 года стал генерал К.А. Мерецков, а затем с января по июль 1941 года – генерал армии Г.К. Жуков. Оба они последовательно проводили в жизнь концепцию, предусматривавшую постройку на новых рубежах долговременных сооружений. И вот в тот период, когда шел процесс сооружения новых и демонтаж старых укрепрайонов, последовало нападение Германии на Советский Союз. Как известно, Жуков был смещен с должности начальника Генерального штаба Красной армии, и 29 июля 1941 года маршал Шапошников вернулся на эту должность.

С начала войны я выполнял служебные задания Генерального штаба Красной армии, который с улицы Фрунзе переместился на улицу Кирова, дом 43. С началом боевых действий в госпитали Москвы стали прибывать раненые. Нам поручалось в беседах с ранеными бойцами быстро обобщить опыт боев с фашистскими захватчиками и через периодическую печать довести информацию до наших воинов, сражавшихся с гитлеровцами. И вот в журнале «Большевик» № 22 за 1941 год была напечатана моя первая военная корреспонденция под названием «Вражеская пехота в основных видах боя». В этой статье был обобщен опыт боев наших войск за время – с конца июня по август 1941 года.

Наступил октябрь 1941 года. На фронтах положение осложнялось. Ленинград оказался во вражеской блокаде, на юге страны враг устремился к Ростову, ворвался в Крым, а в направлении нашей столицы развернул второе наступление. Москва переживала тяжелые дни. Полным ходом шла эвакуация на восток учреждений и предприятий. Работал с полной нагрузкой днем и ночью Генеральный штаб – мозг Красной армии. И вот в эти тяжелые дни наши офицеры Военно-исторического отдела по решению начальника Генерального штаба Красной армии Б.М. Шапошникова выехали в действующие армии и фронты для выполнения специальных заданий Генерального штаба.

В качестве офицера-представителя Генерального штаба Красной армии я срочно отправился поездом, а затем самолетом в район восточнее Старой Руссы, в штаб 11-й армии Северо-Западного фронта. Эта армия наступала на Старую Руссу с тем, чтобы, овладев ею, затем дальнейшим наступлением в западном и северо-западном направлении создать угрозу тылам 18-й немецкой армии, державшим в блокаде Ленинград. С конца декабря 1941 года 11-я армия вела тяжелые бои за Старую Руссу, которую, не считаясь с крупными потерями, оборонял противник. Находясь в 11-й армии, я вместе с войсками переносил все трудности фронтовой жизни. Морозы доходили до минус 30 градусов. Спали мы в холодной палатке, где постелью служил лист фанеры, положенный на снег. Одежда – полушубок, стеганые ватные шаровары, валенки и шапка-ушанка. За ночь вокруг шапки-ушанки образовывались льдинки. Чтобы не замерзнуть во время сна, через каждые 15 минут, по команде, «спящие» поворачивались на другой бок, а

крайние через этот же промежуток времени менялись (спали в палатке в ряд 12–14 человек), чтобы оказаться в середине, тогда ощущалось тепло и можно было задремать. Так проходил ночной сон в поле, да еще при непрерывных бомбежках авиации противника, на которые «спящие» не реагировали. Рытье окопов и блиндажей под Старой Руссой почти исключалось, так как на штык лопаты уже появлялась вода. Местность здесь лесисто-болотистая. В таких условиях местности командные и наблюдательные пункты для командиров дивизий, штаба армии и командующего армией оборудовались в легких наземных сооружениях с углублением до слоя почвы и маскировались снежным покровом.

11-я армия несла большие потери в боях. Раненых вывозили в тыл на грузовых машинах, а захоронение убитых зачастую осуществлялось в проруби реки Ловать, которая впадает в озеро Ильмень. Это привело к тому, что весной 1942 года все это озеро было покрыто всплывшими на его поверхность трупами, а рыба судак, которую мы иногда ловили для употребления в пищу, достигала метровой длины и весила до 16 килограммов.

Будучи в 11-й армии офицером-представителем Генерального штаба, я по долгу службы следил, как командованием армии выполнялись директивные указания Верховного главнокомандования и Генерального штаба, какие причины влияли на те или иные непорядки в действиях войск армии, в чем нуждались войска, чтобы лучше и точнее выполнять задачи вышестоящих органов, своевременно подсказать командованию армией, где и как исправить обнаруженные недостатки. По всем этим вопросам я обязан был своевременно письменно или по прямому проводу доносить в Генеральный штаб.

Я находился в 11-й армии до апреля 1942 года. За время моего пребывания моя деятельность внимательно изучалась командованием армией. В одной из бесед с командующим армией генерал-лейтенантом В.М. Морозовым он вдруг сделал мне предложение стать начальником оперативного отдела армии. Это для меня была большая честь, но это не зависело от меня. Я сказал, что такого рода назначение находится в компетенции начальника Генерального штаба. Как потом мне стало известно, просьба командующего 11-й армией о зачислении меня в штаб армии начальником оперативного отдела была отклонена.

Мое пребывание на фронте в войсках 11-й армии, в течение пяти месяцев, с декабря 1941 года по апрель 1942 года оставило в моей памяти неизгладимый, глубокий след тяжелого, начального периода войны. Я в течение этих пяти месяцев видел, с каким героизмом сражались наши воины. Штурм Старой Руссы в течение всего этого времени дорого стоил нам. Он не увенчался успехом. Не увенчалась успехом и попытка ликвидации так называемого «рамушевского» коридора, связывавшего демянскую группировку противника со Старой Руссой. В этих боях так же, как и боях за Старую Руссу, 11-я армия понесла серьезные потери в людях и в боевой технике. Наши наземные войска и авиация мужественно сражались с врагом, но не менее ожесточенно оборонялись и фашистские захватчики.

Запомнился мне такой печальный эпизод, который произошел в небе восточнее Старой Руссы. 19 января 1942 года командующей армией В.И. Морозов, начальник штаба генерал-майор И.Т. Шлемин и я наблюдали жаркий бой в воздухе наших истребителей с армадой бомбардировщиков в сопровождении истребителей, двигавшихся в нашу сторону для бомбометания. Наша пара летчиков, ведомая (как потом выяснилось) Тимуром Фрунзе, сыном Михаила Васильевича Фрунзе, ринулась в бой. Нам, наблюдавшим, хорошо было видно, как ведущий самолет противника загорелся и начал разваливаться, что внесло в ряды самолетов противника замешательство. Однако превосходство в силах явно было на стороне немцев (бомбардировщиков и истребителей противника насчитывалось до 40 единиц). Вдруг мы видим, как в воздухе последовательно загораются обе наши машины. Как потом выяснилось, в этом бою сначала погиб лейтенант И.П. Шутов, затем в неравном бою была сбита и машина Тимура Фрунзе. Командование армией представило Тимура Михайловича Фрунзе к званию Героя Советского Союза посмертно.

Действия войск Северо-Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта Павла Алексеевича Курочкина на старорусском направлении и по окружению демянской группировки противника в известной мере способствовали успешному ведению оборонительных боев на московском направлении. После тяжелых оборонительных действий на подступах к Москве войска Калининского, Западного фронтов и правого крыла Юго-Западного (с 18 декабря Брянского) фронта 5–6 декабря 1941 года перешли в контрнаступление. Они разгромили группу армий «Центр» и к 20 апреля 1942 года отбросили войска этой группы на 100–300 километров от Москвы. Это было первое серьезное поражение оккупантов на советско-германском фронте.

За период с декабря 1941 по апрель 1942 года я приобрел богатейший опыт в области оперативной работы, который мне очень пригодился в дальнейшем, при исследовании наступательных и оборонительных операций Великой Отечественной войны. Моя работа в войсках 11-й армии, а также мои выступления в печати: в жур нале «Большевик» в 1941 году и в журналах «Военная мысль», «Агитатор и пропагандист» в 1942 году высоко были оценены командованием Генерального штаба Красной армии. В 1944 году я был награжден медалью «За оборону Москвы».

В апреле 1942 года я был срочно отозван в Москву. Оказалось, что при очередной их встрече между Маршалом Советского Союза Б.М. Шапошниковым и И.В. Сталиным последний спросил: «Скажите, Борис Михайлович, а кто-нибудь в Генеральном штабе занимается исследованием войны?» Борис Михайлович ответил: «Есть в Генеральном штабе Военно-исторический отдел, который с начала Великой Отечественной войны немедленно приступил к исследованию происходящих событий на фронтах войны. Но в настоящее время почти все офицеры этого отдела во главе с его начальником исполняют обязанности офицеров Генерального штаба во фронтах и армиях. На этих должностях они приобретают необходимый опыт, но исследованием в этот период они, разумеется, вплотную не могут заниматься». – «Исследование событий войны надо вести непрерывно, – сказал Верховный. – Опыт войны должен изучаться и обобщаться, передаваться войскам для использования его в практических делах». Можно отметить одну деталь. Во время войны своих подчиненных, военных руководителей, И.В. Сталин называл только по фамилии и лишь в обращении с маршалом Шапошниковым он всегда называл его по имени и отчеству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.